

Три турианца окружили его слепую шаткую сестру, которая, протягивая руки, пыталась кого-то найти, прежде чем была с силой толкнута на землю, в то время как пришельцы смеялись, словно играя со своим трофеем. Лили, всхлипывая, плача и изнемогая от слабости, пыталась встать, но жесткий удар опрокинул её на тротуар, когда турианец направил на неё свой пистолет.

— Веселье окончено, маленькая крыса, — произнёс он, готовясь выстрелить из винтовки, но его остановили.

— Постой, Сеп, тут что-то не сходится, — сказал второй турианец, привлекая внимание двоих других. — Смотри, эта человеческая девушка слепа, наверное, пострадала от взрыва, но у неё было всё это: еда, вода, обогреватель, генератор, даже наши медицинские расходные материалы.

— К чему ты клонишь, Тарс? — спросил его Сеп.

— Он говорит, что у этой крысы есть кто-то... — В этот момент они все услышали громкий звук падения неподалеку, заставивший их обернуться.

— Что это было? — Тогда одна граната скатилась к ним и ослепила всех.

Не теряя времени, Алекс нацелился и выстрелил, трясаясь от отдачи и шипя, стараясь справиться с отдачей и правильно прицелиться. Он не знал, сколько раз выстрелил, он остановился только тогда, когда увидел, что все турианцы лежат мертвые, изрешеченные дырами. Опомившись, он бросился к своей сестре, быстро схватив её за руки.

— Лили, Лили, это я, Алекс, — быстро сказал он ей, крепко обнимая.

— А-А-Алекс... — прошептала она, слёзы текли из её слепых глаз, она цепко держалась за него.
— И-и-извини... Я думала, что это... это был т-ты и...

Он не заботился о том, что произошло, ему было важно только то, что она в безопасности.

— Всё будет хорошо, Лили, — сказал Алекс, прежде чем что-то ударило его по затылку, и он потерял сознание.

Через несколько часов.

Пробуждение от ледяной воды и сильного удара по щеке, оставившего кровавые следы, было далеко от приятного. Алексу потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и понять, что он привязан к стулу, окружённый турианцами, как военными, так и гражданскими, определённо находясь в их лагере.

Его сестра нигде не была видна, но прежде чем успел наступить паника, толпа турианцев рассеялась, и вышел кто-то, кого Алекс предположил быть офицером, судя по поведению турианцев. Он подошёл к нему, внимательно оценивая, прежде чем заговорил.

— Ты меня понимаешь, человек? — спросил он, и Алекс тогда осознал, что у него в ухе стоит переводчик, подходящий именно ему. — По твоей реакции вижу, что да. Должен сказать, вы, люди, не похожи на другие виды, с которыми мне доводилось воевать. Кроганы бы уже давно бросились в самоубийственную атаку, батарианцы бы сдались, а асари пытались бы затянуть нас разговорами... Но вы, люди, упорно сопротивляетесь и ведёте умную борьбу, — сказал он с видимым уважением, прежде чем с силой ударил Алекса, выбив у него несколько зубов.

— Г-где... Лили... — Алекс выплюнул кровь и зубы, всхлипывая от боли, прежде чем офицер ударил его снова.

— Тебе не положено задавать вопросы, человек, — сказал турианец, его мандибулы дрожали. — Вашему виду не знать, что для вас хорошо, когда приходит время сдаваться и подчиняться. Вместо этого вы продолжаете своё безрассудное сопротивление и тратите моих людей и материалы... Эта война должна была быть легкой, просто покорением мятежной расы, а вы всё усложнили! — Он так сильно ударил Алекса, что тот вместе со стулом упал на бок, прежде чем подняться, после чего турианский офицер сделал жест, и в помещение внесли большой металлический ящик, скрывающий что-то внутри.

— Мне сказали, что ты выжил два месяца со своей сестрой, крыса. Посмотрим, окажешься ли ты живучее всех предыдущих, — затем, не произнеся больше ни слова, турианцы покинули комнату, прежде чем ящик раскрылся, обнажив какой-то чёрный обелиск, пульсирующий энергией, прежде чем из него выстрелил луч в Алекса.

В тот момент Алекс почувствовал, как его разум, плоть и кости разрываются и заменяются чем-то другим, что проникало в его мозг. Это было подавляюще, крайне и абсолютно, командуя и приказывая ему, показывая образы, которые не мог понять простой смертный. Обелиск пытался разрушить личность Алекса и заменить её на что-то другое, его энергетические щупальца передавали ему наниты для начала его преобразования, и все казалось направленным к скорому концу мальчика... Пока он наконец не закричал, и его крик потряс всё здание и всех в нём.

Вторжение в разум и душу Алекса вызвало нечто неожиданное, его тело внезапно начало излучать красное свечение, сжигая машины вокруг него, прежде чем обелиск треснул и разрушился от давления, исходившего от мальчика.

Оковы были уничтожены, и он наконец поднялся, как раз когда охранники ворвались внутрь, но в момент, когда их взгляды встретились с мальчиком, они задрожали и затряслись, видя за его ослабевшей фигурой могучее эфирное тело Ангела Смерти, окруженного красным ореолом, полностью окутавшего мальчика. Как только турианцы осмелились достать оружие, они потеряли жизни, потому что Ангел проявил в своих руках меч и копье, и отнял их жизни быстрее, чем их сердца успели забить.

Сначала он был сбит с толку, потерял и дезориентирован, действуя по инстинкту и потребности в борьбе, но затем всё встало на свои места, и мальчик понял, кем он на самом деле был, кем он был раньше. Он вспомнил всё: Ваал, Кровавых Ангелов, Великий Крестовый поход, своих братьев и Отца, Сигнус Прайм, Империиум Секундус, Давин, Терра, Хорус... Он вспомнил своё имя, свою сущность и свою жертву ради человечества, или скорее, его душа полностью пробудилась, когда ксено-технология пыталась завладеть им. Против обычного смертного это сработало бы, но против кого-то вроде него это было тщетно, хотя и послужило пробуждению.

И когда мёртвые турианцы наконец упали на пол, мальчик наконец вышел из камеры и увидел потрясенных и дрожащих турианцев, когда офицер, генерал Мариус Раганис, командующий оккупационным флотом и армией турианцев, как понял мальчик, обратился с тревожным вопросом.

— Кто... Что ты такое? — потребовал он, когда турианские солдаты собрались сражаться с чем-то из своих кошмаров.

— Я — Сангвиний. — Произнес он голосом, принадлежащим существу из другого мира и времени, но теперь вновь рождённому здесь. — Я — Ангелус Сангвис Хумани (п.п. на лат. Ангел Человеческой Крови), Кровавый Ангел Человечества, и твой конец, ксено. — И с этими словами Сангвиний, возрожденный в теле смертного человека, обрушил свой гнев на тех, кто пытался угнетать и подчинять человечество.

Если бы возрождённый Ангел обладал хоть какой-то милостью, он бы позволил кому-то уйти, но не сегодня, не после всего, что пришлось пережить ему и его маленькой сестре, всего, что человечество должно было вынести и перенести от их когтей. Они пришли завоевывать и подчинять его род, принося огонь и смерть, и так он отплатил им тем же.

Хотя он был лишь тенью своего великого прошлого, даже в ослабленной и смертной форме, Сангвиний мог безжалостно наводить справедливость и смерть среди ксеносов. Освободив силы, ранее неизвестные этим ксеносам, Сангвиний полностью проявил свой дух так, как мог бы только Император, сражаясь силами, которые полностью понимали только Магнус и Император.

Сангвиний, или Алекс, как его называли при рождении в этой вселенной, заставил турианцев полностью расплатиться. Оставив после себя сотни мёртвых, он почувствовал, что его тело не в силах справиться с полной мощью, но прежде чем он сократил свою силу, он убедился, что турианцы не сохраняют эту крепость, ни эту планету.

Вторгнувшись в командный центр, он заставил турианцев раскрыть всю свою оперативную информацию, частоты и многое другое, перед тем как передать это людям, а затем отправил приказы о саботаже турианцам по всей планете, используя частоту генерала, делая то же самое с флотом, чтобы тем самым направить их в объятия людей. Корвус Коракс был бы весьма доволен таким поступком от Сангвиния, но он не остановился на достигнутом, убедившись, что турианцы сосредоточили как можно больше сил в Этрурии. После этого Сангвиний запустил детонацию энергетических реакторов, забрал свою маленькую сестру и ушёл оттуда, покинув Этрурию.

Той ночью мощный взрыв осветил лунный свет на многие мили вокруг, поскольку турианцы потеряли свой главный лагерь и несколько полных дивизий. Только утром турианцы и Альянс узнали, что Этрурия теперь стала кладбищем, и что в этот самый момент был нанесен критический удар по оккупантам.

<http://tl.rulate.ru/book/107998/3946138>